

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2018.2.2>

UDC 304.42; 161.26

LBC 87.6; 87.4

**MEANINGFUL CONNECTION BETWEEN THE CONCEPT “LAW”
AND INTERPRETATIONS OF THE CONCEPTS “DUE” AND “NORM”
IN VARIOUS MODELS OF DEONTIC LOGIC**

Ilya S. Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Svetlana B. Tokareva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of the concept “law” as a key element of the concept sphere of law in order to explain the mental obstacles on the way to the liberalization of the Russian political and legal system due to cognitive stereotypes and values of national consciousness, as well as the dominant directions of legal genesis. It is shown that as a regulatory concept “law” performs the organizational function of the formation of moral values as the basis of legal norms. According to comparative studies the prototypical image of the law in Russian linguistic culture is associated with the restriction of freedom, while in English culture, on the contrary, the law is perceived as the guarantor of freedom. It seems that the historical and philological explanation of this difference, associated with the study of the genesis of the lexeme “law”, as well as the historical and legal explanation appealing to the religious and moral values of the respective cultures do not take into account the specifics of legal concepts, which are largely logically constructed, and therefore should be supplemented by a logical analysis of the concept “law”.

The notional side of the concept “law” was formed in the Russian linguistic culture in the course of social understanding of the existing rules and regulations in practice and their subsequent conceptual consolidation in codified norms. Since the codification in Russian law was carried out on the basis of external sources, the explanation of the specifics of understanding the concept of “law” in Russian culture requires an appeal to its subject – the possibility of deontic qualification of the subject mattered from the point of view of the law and the possibility of imposing sanctions fixed by legislative norm. In this regard, it is shown that in Russian and English-speaking cultures legal norms develop within the framework of different models of deontic logic, differing from each other by meaningful interpretations of *due*. Mental differences in the interpretation of the concept of “law” in Russia and the West are stipulated by the fact that in Russian legal culture *due* is understood as an ideal and is described by the formula “must be”, and the *norm* has an impersonal formulation. In deontic logic this corresponds to the standard semantics of norms. On the contrary, in Western culture positive law is based on the idea of freedom of self-determination of individuals and tends to another model-generalized semantics of norms for deontic modality, where *due* characterizes human action and stands for “must be done”, and the formulation of the norm takes into account the purpose, means and conditions of action. It is concluded that the culture-based model of deontic modality and its semantics of the possible world determine the understanding of the concept “law” in the concept sphere of law of a particular culture.

Key words: concept sphere of law, concept of “law”, mentality, deontic logic, due, norm, norm semantics, the possible world.

УДК 304.42; 161.26

ББК 87.6; 87.4

**СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ КОНЦЕПТОМ «ЗАКОН»
И ТРАКТОВКАМИ ПОНЯТИЙ «ДОЛЖНОЕ» И «НОРМА»
В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ**

Илья Степанович Дикарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Светлана Борисовна Токарева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию концепта «закон» как ключевого элемента правовой концептосферы с целью объяснения ментальных препятствий на пути либерализации российской политико-правовой системы, обусловленных когнитивными стереотипами и ценностными установками национального сознания, а также господствующими направлениями правогенеза. Показано, что в качестве регулятивного концепта «закон» выполняет организационную функцию формирования моральных ценностей как основы правовых норм. По данным сравнительных исследований прототипический образ закона в русской лингвокультуре ассоциируется с ограничением свободы, тогда как в англоязычной культуре, напротив, закон воспринимается как гарант свободы. Представляется, что историко-филологическое объяснение этого различия, связанное с исследованием генезиса лексемы «закон», а также историко-правовое объяснение, апеллирующее к религиозно-нравственным ценностям соответствующих культур, не учитывают специфики правовых концептов, которые являются в значительной степени логически сконструированными, а потому должны быть дополнены логическим анализом концепта «закон».

Понятийная сторона концепта «закон» сформировалась в русской лингвокультуре в ходе социального осмысления сложившихся в практике правил и предписаний и последующего понятийного закрепления их в кодифицированных нормах. Поскольку кодификация в русском праве осуществлялась с опорой на внешние источники, объяснение специфики понимания концепта «закон» в русской культуре требует обращения к его предметной стороне – закрепленной в правовой норме возможности деонтической квалификации значимого с точки зрения права поступка субъекта и возможности наложения санкций. В этой связи показано, что в русской и англоязычной культурах правовые нормы развиваются в рамках разных моделей деонтической логики, отличающихся друг от друга содержательными трактовками *должного*. Ментальные различия в трактовке концепта «закон» в России и на Западе обусловлены тем, что в русской правовой культуре *должное* понимается как идеал и описывается формулой «должно быть», а норма представляет собой безличную формулировку. В деонтической логике это соответствует стандартной семантике норм. Напротив, в западной культуре позитивное право базируется на идее свободы самоопределения частных лиц и тяготеет к другой модели – обобщенной семантике норм для деонтической модальности, где *должное* характеризует человеческое действие и расшифровывается как «должно быть сделано», а формулировка нормы учитывает цели, средства и условия действия. Сделан вывод о том, что утвердившаяся в культуре модель деонтической модальности и заданная ею семантика возможного мира определяет понимание концепта «закон» в концептосфере права конкретной культуры.

Ключевые слова: концептосфера права, концепт «закон», менталитет, деонтическая логика, *должное*, норма, семантика норм, возможный мир.

Попытки осуществить либерализацию политико-правовой системы в постперестроечной России обнаружили не только слабость отечественных институтов гражданского общества и несовершенство демократических оснований политической власти, но и ментальные противоречия между Россией и Западом, препятствующие утверждению основной идеи либерализма об «устойчивом общественном порядке, стабильность которого строится на свободе индивида действовать по своему усмотрению» [31]. С одной стороны, не оправдались ожидания, что взаимодействия и коммуникации, строящиеся на интересе людей как частных лиц, станут в российском обществе основой массового образования новых публичных сообществ и гражданских союзов. С другой стороны, конструктивный характер

и понятийный строй доктрины западного либерализма оказались чуждыми для российской политико-правовой системы. В отличие от западного права, которое начиная с XVII в. в качестве основы построения государства утверждало свободу самоопределения частного лица, российское позитивное право никогда не было нацелено на объективное выражение потенциальной способности человека самому полагать ценности и цели своей деятельности и не служило механизмом трансформации частного интереса в гражданский [31]. Даже кризис классического либерализма после Первой мировой войны не повлиял на господство либеральных идей в гражданском и политическом сознании Запада, тогда как применительно к современной российской культуре по-прежнему актуально звучат слова Н.А. Бер-

длева: «Либеральные идеи были всегда слабы в России и у нас никогда не было либеральных идеологий, которые получали бы моральный авторитет и вдохновляли» [4, с. 30].

Различие между правовой культурой России и Запада проявляется в доминировании в них различных направлений правогенеза. В западном обществе преимущество получила восходящая легитимация, при которой право и естественный правопорядок спонтанно порождаются самими общественными отношениями: в законах и нормах, как правило, фиксируются решения суда, а население выступает в качестве активного субъекта легитимации власти. Напротив, для российского общества в большей степени характерна нисходящая легитимация, при которой законы разрабатываются законодателем как готовая система норм, с опорой на которую искусственно устанавливается правопорядок, а населению отводится роль пассивного объекта воздействия со стороны институтов политической власти [19; 31]. Таким образом, в первом случае закон как регулятор общественных отношений является спонтанно складывающимся правом, лишь задним числом получающим соответствующую фиксацию, во втором – продуктом правотворческой деятельности [31]. Господствующее направление правогенеза влияет на особенности национального менталитета, инерция которого, в свою очередь, оказывает сопротивление попыткам изменить тип правовой системы.

Национальный менталитет как исторически сформировавшийся способ восприятия и понимания действительности, проявляющийся в особенностях мышления и поведения людей, определяется совокупностью когнитивных стереотипов и ценностных установок нации, образующих ее концептосферу. Концепты представляют собой опредмеченные в языке фрагменты жизненного опыта человека, связанные с переживаниями и зафиксированные в памяти в форме представлений, понятий и ассоциативных связей между ними [14]. В концептах воплощается этнокультурная специфика менталитета народа, поэтому ключом к объяснению влияния менталитета на направление и темпы социальной динамики в различных сферах является исследование ключевых концептов в этих областях.

М.Н. Федулова характеризует «закон» как суперконцепт [30], поскольку он порождает в культуре целый ряд понятий, относящихся к различным сферам деятельности (и соответствующим концептосферам): производственной, правовой, духовной (научный закон; закон Божий; юридический закон; закон как правило, норма, установление, предписание, требование, императив и т. д.). Такой широкий спектр порождаемых номинаций в различных областях культуры (высокая «номинативная плотность») свидетельствует об актуальности и значимости концепта «закон» для жизни и сознания народа, о его превращении в устойчивое ментальное образование и своеобразную культурную константу [26].

В философии и когнитивной лингвистике выявлена присущая любому концепту двойственность: он имеет, с одной стороны, когнитивную природу, с другой – представляет собой «вербализованный культурный смысл», «сгусток смысла» [7, с. 11], «ячейку», «пучок» культуры [26, с. 43]. В качестве компонентов когнитивной системы концепты выступают объяснительными конструкциями и инструментами познания окружающей действительности [1, с. 102], особыми «мыслительными единицами», играющими роль посредников между человеком и действительностью и отражающими культурно обусловленное представление человека о действительности: «...Разные языки являются носителями разных познавательных перспектив, разных взглядов на мир» [6, с. 186]. Специфика концептов заключается в присутствии им особого, «прототипического» способе категоризации действительности, отличающимся от описания через признаки [35]. Поэтому хотя как мыслительные акты концепты связаны с решением проблем, они не являются пропозициями – языковым воплощением дел в действительности или в ситуации, не отражают реальность в том смысле, что не имеют референции и не существуют в виде совокупности признаков. Концепт имеет конструктивную природу, ему онтологически предшествует категоризация, которая создает типовой образ и формирует «прототип» [3].

Регулирование социальной жизни имеет основанием определенную систему ценностей, представленную в коллективном и индивиду-

альном сознании функционирующими в семантическом пространстве языка концептосферы [30, с. 106]. Важнейшей из них является концептосфера права – «система представлений, значений, образов и ассоциаций, возникающих в индивидуальном и массовом сознании в процессе восприятия и осмысления ключевых морально-нравственных категорий, имеющих правовую нагрузку» [2, с. 4]. Языковая определенность правовой концептосферы реализуется не только в условиях коммуникации, но и через взаимодействие с концептами других сфер, прежде всего морали [27; 28]. Смысловые значения правовых концептов не формируются исключительно в рамках правоведения как научной дисциплины, они рождаются в результате взаимодействия представлений различных участников социальной коммуникации: профессиональных юристов, масс, представителей социальных структур и институтов, СМИ и т. д. [2, с. 7]. К такому же выводу приходят И.Ю. Сковронская и Б.М. Юськив: «Ключевые слова языка права – это всегда “сигналы” определенного юридического мировоззрения, выражающие духовно-нравственные идеалы общества и нравственные принципы, осознанные человеческим умом, воспринятые правовой системой и вербализованные в языке» [24, с. 327]. Правовые ценности служат оправданием норм, выступающих основанием человеческих действий, и могут носить безусловный, практический или утилитарный характер [34].

Правовые концепты, по классификации В.И. Карасика, относятся к *регулятивным*, выполняющим организующую функцию в формировании морально-этической ценностной основы общественных отношений и составляющим основу общественного менталитета. Характерной чертой концептов этого вида является акцентуация в них ценностного элемента, доминирование ценностной функции над когнитивной: «Познавательная функция концепта уходит на второй план, а нравственная становится наиболее важной, поскольку ей принадлежит регулятивная роль в масштабе общественной жизнедеятельности» [11, с. 13–14]. Нравственная функция регулятивных концептов реализуется через принуждение: «В регулятивных концептах... изначально заложена идея прескрипции – ориентира на некую норму, шаблон, конвенцию,

определяющего фреймворк сценарии и культурные доминанты поведения человека в социуме. <...> Прескриптивные импульсы... как бы задают линию поведения личности в этнокультурном коллективе, ориентируют ее на подчинение соответствующим правилам или устоявшейся системе отношений. В регулятивных концептах заложен кодекс жизненных установок человека, упорядочивающих его поступки и действия в мире» [22, с. 50]. Лингвистический анализ лексем, сохранивших в своих значениях компоненты, отсылающие к обрядово-ритуальным формам культуры и кодифицированным обычаям, обнаруживает генетическую связь закона с различными формами социокультурного регулирования [20, с. 94].

Таким образом, правовая концептосфера – это «система концептов, выполняющих регулятивную роль в организации и жизни общества», центральным элементом которой является концепт «закон» [30, с. 107]. Место закона как базовой категории для правовой понятийной области признают как сторонники легизма, отождествляющие право и закон в широком смысле (включая в него правовой обычай и судебный прецедент), так и отрицающие такое отождествление представители «юридического правопонимания» (независимо от того, признают ли они, что право как «независимое онтологическое образование» не совпадает с понятием закона [2], или утверждают, что «за словами “право” и “закон” стоят не разные по своей предметной, онтологической сути явления, а разные гносеологические подходы к пониманию права» [17]).

Сопоставление эквивалентных концептов в разных языках и культурах позволяет выявить особенности не только когнитивной деятельности, но и ценностной ориентации людей, принадлежащих к этим концептосферам. Как и правовой концептосфере в целом, концепту «закон» присуща двойственность, единство духовно-нравственного и юридического содержания. Сравнительное исследование концепта «закон» в русской и английской лингвокультурах, проведенное И.В. Палашевской, показало, что в англоязычной культуре закон воспринимается как *гарант свободы*, тогда как в русскоязычной – как ее *ограничитель* [21].

Историко-филологическое толкование этого различия связано с тем, что в русском

языке на развитие семантики лексемы «закон» повлияла ее диалектическая связь с анахронизмом «покон» (обычай). С одной стороны, эти лексемы являются антонимами (отсюда противопоставление «по закону, а не по обычаю»); с другой стороны, между ними есть общее: оба эти слова использовались (например, в тексте Русской Правды) в значении *предела*, ограничивающего свободу воли и действий, а также в значении правила, установления, обязательства, регламентирующих отношения между людьми [23, с. 39]. По мере христианизации славянства и вовлечения термина «закон» в церковную речь он дополнился такими смыслами, как «установление от Бога», «покаянное правило», «церковный брак» [29], а использование его в качестве общего названия установленных властью (государством) норм привело к спецификации «юридический закон». Однако эта дальнейшая дифференциация и дополнение первоначальных определений закона новыми смысловыми коннотациями не изменили «ограничительной» сути концепта «закон» в русском языке.

Историки права при объяснении этого факта указывают на специфику отечественной религиозно-философской (православной) антропологии с ее подходом к оценке человека «не по деяниям его, а сквозь них, по принципу “неважно, что ты делаешь, важно, кто ты есть”» [18, с. 399]. Воспринятый в дальнейшем российской философско-правовой мыслью этот критерий оценки человека предопределил ее «высокомерное презрение» к юридической культуре Запада, в которой человек – это прежде всего совокупность его поступков [25, с. 232].

Однако объяснение культурно обусловленных различий в понимании закона остается неполным без анализа структуры концепта «закон» в качестве ментального образования с доминирующим аксиологическим началом.

Не существует единой теории, однозначно определяющей структуру концепта. Модель концепта может быть как нуклеарной (когда в описании выделяются прототипическое ядро и интерпретационное поле), так и иерархической (когда базовый слой (образ) дополняется когнитивными признаками концепта – характеристиками отдельных аспектов, образующими концептуальные слои). В.И. Карасик предла-

гает в качестве структурных элементов выделять образную, понятийную и ценностную стороны концепта [14].

Примем предложенную В.И. Карасиком структуру концепта за теоретическую основу дальнейшего анализа, но с той оговоркой, что существенная для многих концептов образная сторона – чувственно воспринимаемые характеристики связанных с концептами предметов – для правовой концептосферы мало значима. Для понимания концепта «закон» значительно важнее его отличие от соответствующего понятия, тот факт, что концепт не только мыслится, но и эмоционально переживается и оценивается: «Концепт – это идея, включающая не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки» [13, с. 5].

В качестве элемента правовой концептосферы концепт «закон» как «пучок» сопровождающих слово «закон» представлений, понятий, знаний, ассоциаций и переживаний [27] также шире юридического определения закона как нормативно-правового акта. В структуре концепта «закон» значимы две стороны: *понятийная* сторона (дефиниция, описание, обозначение концепта, а также его сопоставительные характеристики с другими концептами [14]) и *предметная* сторона (обычно эту сторону концепта обозначают как предметно-образную, однако, как уже было сказано, особенности протекания правовой коммуникации таковы, что концепт «закон» является логически сконструированным, а его образность – стертой) [32, с. 28].

Понятийная сторона концепта «закон» представлена *кодифицированной нормой*, установленной и поддерживаемой государственной властью и традицией и отражающейся в дефинициях [32, с. 27–28]. Впервые на Руси кодификация была применена в Русской Правде. По своему характеру она была синкретической, сводной, поскольку в нее вошли нормы из самых разных источников. Главным источником послужила византийская кодификация, формулировки и принципы разбиения на статьи которой, в свою очередь, оформились под двойным влиянием римского права и христианской проповеди, по причине чего в ней сочетались признаки юридического трактата и религиозно-нравственного назидания [15]. Таким образом, кодификация в русском праве изначально

не была самобытной и носила заимствованный характер, а потому с ней не может быть связана специфичность русского концепта «закон», его радикального иного толкования в сравнении с эквивалентным концептом в западной культуре (и английском языке).

Полагаем, что причину ментальных различий в трактовке концепта «закон» в России и на Западе нужно искать в его предметной стороне. Она представлена логической структурой правовой нормы, обеспечивающей возможность деонтической квалификации (нормативной оценки) значимого с точки зрения права поступка субъекта и возможность наложения санкций в случае нарушения правовой нормы [12; 21]. Норма связана с категорией *должного* – ключевой категорией деонтической логики, созданной финским логиком Георгом Хенриком фон Вригтом для изучения законов, которым подчиняются рассуждения, использующие и обосновывающие *нормы* (моральное, правовое, экономическое и т. п.). Деонтическая логика Вригта описывала не абстрактно-логический, а реальный мир социальных ситуаций и человеческих действий. По его мнению, необходимость, приписываемая принципам и законам логики, не основана на какой-либо предустановленной логической структуре мира, но проистекает из позиции, которую мы занимаем по отношению к конкретным утверждениям и стоящим за ними ситуациям [33]. Конкретные модели деонтической логики (каждая из которых является вариантом реализации вригтовской идеи создания логики ситуаций, человеческих действий и оценок) различаются содержательными трактовками *должного*, которым соответствуют интересующие нас модели деонтической модальности.

В первой модели *должное* понимается как *идеал*, а *норма* представляет собой безличную формулировку безусловного обязательства, вменения или запрета без указания персонального агента действий, условий совершения действия, санкций и авторитета нормы. Эта модель деонтической модальности, описанная учеником Вригта Яакко Хинтикой, носит название *стандартной семантики норм*. *Должному* как идеалу соответствует в ней формула «*должно быть*», а нормы фиксируются модальными операторами «обяза-

тельно», «разрешено», «запрещено» [16]. Именно к этой модели тяготеет русская культура, ориентированная на идеал как на то, что «должно быть», и ее правовая сфера, в которой доминируют безличные нормы.

В деонтической логике этой модели соответствует возможный мир, описываемый *стандартной семантикой норм Я. Хинтики*. Описание осуществляется при помощи квалифицирующих деонтических модальностей и не предполагает спецификации (различения) событий, действий и отношений: события и человеческие действия рассматриваются как однопорядковые, однородные явления, между которыми нет разницы, так что логика событий указывает на стоящие за ними действия.

Подход, в котором события как изменения состояний отождествляются с последствиями действий и могут рассматриваться как ключ к их пониманию, был обоснован Г.Х. фон Вригтом: «Важнейшая особенность совершенных действий и вызванных следствий состоит в том, что они являются изменениями (событиями). Изменение – это переход от одного положения дел к другому. Результат (а также последствия) можно отождествить с самим изменением либо с его конечным состоянием» [8]. Подобное сведение действий к событиям нашло отражение в российской правовой системе, традиционно отводящей ведущую роль в раскрытии преступления следователю: его задача – восстановить событийную картину происшедшего, которая одновременно является реконструкцией и интерпретацией действий участников.

Иную трактовку *должное* получило в модели деонтической модальности, разработанной Ричардом Монтегю, в которой оно фиксируется формулой «*должно быть сделано*» и в этом качестве становится характеристикой человеческого действия, частью его логической схемы. *Нормы* в этой модели имеют инструментальный характер и выступают как регуляторы человеческих действий [16]. Норма уже не безлична, поскольку нельзя игнорировать информацию о том, кому она адресована, кто ее выполняет, кто является источником предписания, в каких условиях норма может быть реализована индивидуальным или групповым субъектом и т. д. В связи с этим в модели Монтегю вводится *релятивизация тре-*

бований в зависимости от цели, средств, условий действия, а семантическая структура включает допущения, связанные с указанием на различные способы использования норм.

Обобщенная семантика норм для деонтической модальности Р. Монтегю использует практические деонтические модальности (а не квалифицирующие), которые обнаруживаются при систематическом описании действий и взаимодействий и подходят для анализа человеческой практики. В семантике такого типа деонтически возможные миры специфицируются и характеризуются не как предпочитаемые или идеальные, а как миры реальных человеческих действий и отношений. При этом важно, что по отношению к актуальному деонтически возможному миру можно рассматривать множество деонтических альтернатив, то есть таких последовательностей действий, событий или отношений, к которым приложимы принципы данного нормативного кодекса, что предполагает возможность выбора. По мнению В.И. Курбатова, в рамках такой семантики может быть реализована идея о том, что значения, приписываемые нормативным высказываниям, не ограничиваются значениями «истинно» и «ложно» [16]. Следовательно, можно построить логику норм без понятия истины, так что выбор действия из возможных (допускаемых нормативным кодексом) альтернатив остается за субъектом, который и несет за него ответственность.

Логическая схема, в которой система норм коррелирует с идеалами и использует модальные операторы «обязательно» и «разрешено», является, вероятно, исторически первичной и потому общей для русской и западной культур: на ранних этапах исторического развития в них одинаково доминировало сакральное начало, с которым было связано должное/истинное. Однако в дальнейшем, в период формирования национальных государств и национального менталитета, их пути разошлись. Русская культура сохранила тяготение к «лейбницевской линии» в деонтической логике, где норма понимается как предпочитаемое/идеальное положение дел, трудно приложимое к конкретным действиям, которые никогда не «дотягивают» до идеала. Напротив, в западной культуре со временем стала преобладающей логическая модель,

соответствующая в деонтической логике «линии Бентама – Малли», где нормы имеют инструментальный характер и выступают регуляторами и гарантом человеческих действий, направленных на реализацию цели/замысла [16]. Содержанием нормы в этой модели становится не объективное описание состояния/положения дел, а регламентация субъективного действия. Больше деонтическая логика от этой линии уже не отступала: в своем дальнейшем развитии она все больше ориентировалась на практические и прикладные задачи, на поиск новых способов определения основных деонтических понятий «долженствование», «разрешение» и «запрещение». При создании новых моделей деонтической логики эти модальности вводились так же, как они вводятся в реальных нормативных кодексах – при помощи констант, обозначающих либо угрозу/санкцию, либо уклонение от них [9].

Таким образом, утвердившаяся и господствующая в культуре модель деонтической модальности и заданная ею семантика возможного мира определяют содержание и оценку концепта «закон» в конкретной национальной и профессиональной концептосфере. Это заставляет при сопоставлении концепта «закон» в различных лингвокультурах выходить за рамки денотации, задающей истинность или ложность предложений: «Концепт всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» [10, с. 40]. Признание содержательной связи между концептом «закон» и трактовками понятий «должное» и «норма» в различных моделях деонтической логики предостерегает нас от попыток механического перенесения смыслов, моделей и оценок при культурных и социальных заимствованиях в правовой сфере. Любые реформы и модернизации в этой области, даже если они осуществляются с использованием готовых образцов, будут жизнеспособными только при условии творческого развития культурой собственного символического универсума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

2. Бакулина, С. Ю. Концептосфера права как фактор гуманизации культуры : дис. ... канд. филос. наук / Светлана Юрьевна Бакулина. – СПб., 2012. – 194 с.
3. Балмагамбетова, Ж. Т. Понятие концепта в лингвокогнитологии и лингвокультурологии / Ж. Т. Балмагамбетова, А. А. Нургалиева // Актуальные проблемы филологии : материалы II Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февр. 2016 г.). – Краснодар : Новация, 2016. – С. 83–87. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9592/> (дата обращения: 10.02.2018). – Загл. с экрана.
4. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1990. – 224 с.
5. Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси : пер. с укр. / М. Ю. Брайчевский. – Киев : Наукова думка, 1989. – 97 с.
6. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах / А. Вежбицкая // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.
7. Воркачев, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 352 с.
8. Вригт, Г. Х. фон. Объяснение и понимание / Г. Х. фон Вригт. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/von_wright_explanation_understanding.pdf (дата обращения: 12.01.2018). – Загл. с экрана.
9. Герасимова, И. А. Логика деонтическая. Гуманитарная энциклопедия / И. А. Герасимова, Е. Н. Лисанюк, А. И. Миков ; Центр гуманитарных технологий, 2002–2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6968> (дата обращения: 08.02.2018). – Загл. с экрана.
10. Делез, Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари / пер. с фр. и послесл. С. Н. Зенкина. – М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. – 288 с.
11. Карасик, В. И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 13–15.
12. Карасик, В. И. Концепт «закон» в английской и русской паремиологии / В. И. Карасик, И. В. Палашевская // Гуманитарные исследования. – 2001. – № 3. – С. 63–72.
13. Карасик, В. И. Лингвокультурная концептология / В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Г. Г. Слышкин. – Волгоград : Парадигма, 2009. – 115 с.
14. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
15. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Лекция 15 / В. О. Ключевский. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228972016&archive=1309634993&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.02.2016). – Загл. с экрана.
16. Курбатов, В. И. Действия и нормы: исследование по логике деонтических модальностей : дис. ... канд. филос. наук / Владимир Иванович Курбатов. – М., 1983. – 138 с.
17. Лапаева, В. В. Легизм как тип правопонимания / В. В. Лапаева // Законодательство и экономика. – 2007. – № 6. – С. 10–19.
18. Лапаева, В. В. Правопонимание как основа национальной правовой культуры (Сравнительный анализ российской и западноевропейской правовой мысли) / В. В. Лапаева // Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры : X Междунар. лихачев. науч. чтения, 13–14 мая 2010 г. – СПб. : СПбГУП, 2010. – С. 399–400.
19. Омельченко, Н. А. Проблемы легитимации политической власти в современной России: от теории к практике / Н. А. Омельченко, Ф. М. Гасратова // Politbook. – 2015. – № 4. – С. 36–55.
20. Палашевская, И. В. Закон // Антология концептов / И. В. Палашевская ; под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград : Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 92–110.
21. Палашевская, И. В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Ирина Владимировна Палашевская. – Волгоград, 2001. – 196 с.
22. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. – Днепропетровск : Издатель Белая Е.А., 2013. – 307 с.
23. Сичинава, Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня / Н. Г. Сичинава // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. – Вып. 3. – Ростов н/Д : Дониздат, 2013. – С. 38–43.
24. Сковронская, И. Ю. Лексико-семантические вариации правовой концептосферы / И. Ю. Сковронская, Б. М. Юськив // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія: Юридичні науки. – 2016. – № 837 (9). – С. 326–331.
25. Соловьев, Э. Ю. Прошлое толкует нас / Э. Ю. Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 432 с.
26. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2004. – 991 с.
27. Тихомиров, Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное / Ю. А. Тихомиров // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 5–12.
28. Тихомирова, Л. В. Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров ; под

ред. М. Ю. Тихомирова. – М. : Юриформцентр, 1997. – 526 с.

29. Трубачев, О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев. – М. : Наука, 2005. – 286 с.

30. Федулова, М. Н. Система концептов в юридическом дискурсе / М. Н. Федулова // Вопросы психолингвистики. – 2017. – № 4 (34). – С. 106–115.

31. Хаванская, А. В. Концепция правового либерализма и формы ее реализации в политическом процессе современной России : дис. ... канд. полит. наук / Анна Валерьевна Хаванская. – Оренбург, 2002. – 149 с.

32. Храмцова, Н. Г. Концепты «закон» и «субъект права» в правовом дискурсе / Н. Г. Храмцова // Общество и право. – 2007. – № 4 (18). – С. 27–32.

33. Alanen, L. Logical Modality and Attitudes to Propositions / L. Alanen // Actions, Norms, Values: Discussions with G.H. von Wright. – Berlin ; N. Y., 1999. – P. 211–226.

34. Atienza, M. The Varieties of Legal Values / M. Atienza, J. R. Manero // Actions, Norms, Values: Discussions with G.H. von Wright. – Berlin ; N. Y., 1999. – P. 307–324.

35. Rosch, E. Principles of Categorization / E. Rosch // Cognition and Categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. – Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.

2. Bakulina S.Yu. *Kontseptosfera prava kak faktor gumanizatsii kultury: dis. ... kand. filos. nauk* [The Conceptual Sphere of Law as a Factor of Humanization of Culture]. Saint Petersburg, 2012. 194 p.

3. Balmagambetova Zh.T., Nurgalieva A.A. Ponyatie kontsepta v lingvokognitologii i lingvokulturologii [The Notion of Concept in Linguocognitive Science and Linguistics Culturology]. *Aktualnye problemy filologii: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (g. Krasnodar, fevr. 2016 g.)*. Krasnodar, Novatsiya Publ., 2016, pp. 83–87. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/177/9592/>. (accessed 10 February 2018).

4. Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origins and Meaning of Russian Communism]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 224 p.

5. Braychevskiy M.Yu. *Utverzhenie khristianstva na Rusi* [The Adoption of Christianity in Russia]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1989. 97 p.

6. Vezhbitskaya A. Semantika, kultura i poznanie: obshchechelovecheskie ponyatiya v kulturospetsifichnykh

kontekstakh [Semantics, Culture and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Contexts]. *THESIS*, 1993, iss. 3, pp. 185–206.

7. Vorkachev S.G. Postulaty lingvokontseptologii [The Tenets of Linguoconceptology]. Karasik V.I., Sternin I.A., eds. *Antologiya kontseptov. T. 1*. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 1, 352 p.

8. Vright G.H. fon. *Obyasnenie i ponimanie* [Explanation and Understanding]. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/von_wright_explanation_understanding.pdf. (accessed 12 January 2018)

9. Gerasimova I.A., Lisanyuk E.N., Mikov A.I. Logika deonticheskaya [Deontic Logic]. *Gumanitarnaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Humanities]. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy, 2002–2018. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6968> (accessed 8 February 2018).

10. Delez J., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow; Saint Petersburg, Aletya Publ., 1998. 288 p.

11. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Bazovye kharakteristiki lingvokulturnykh kontseptov [Basic Characteristics of Linguistic and Cultural Concepts]. Karasik V.I., Sternin I.A., eds. *Antologiya kontseptov. T. 1*. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 1, pp. 13–15.

12. Karasik V.I., Palashevskaya I.V. Kontsept «zakon» v angliyskoy i russkoy paremiologii [Concept ‘Law’ in English and Russian Paremiology]. *Gumanitarnye issledovaniya*, 2001, no. 3, pp. 63–72.

13. Karasik V.I., Krasavskiy N.A., Slyshkin G.G. *Lingvokulturnaya kontseptologiya* [Linguocultural Conceptology]. Volgograd, Paradigma Publ., 2009. 115 p.

14. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p.

15. Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya 15* [The Course of Russian History. Lecture 15]. URL: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228972016&archive=1309634993&start_from=&ucat=& (accessed 3 February 2016).

16. Kurbatov V.I. *Deystviya i normy: issledovanie po logike deonticheskikh modalnostey: dis. ... kand. filos. nauk* [Actions and Norms: a Study on the Logic of Deontic Modalities. Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 1983. 138 p.

17. Lapaeva V.V. Legizm kak tip pravoponimaniya [Legalism as a Type of Legal Understanding]. *Zakonodatelstvo i ekonomika*, 2007, no. 6, pp. 10–19.

18. Lapaeva V.V. Pravoponimanie kak osnova natsionalnoy pravovoy kultury (Srvnitelnyy analiz rossiyskoy i zapadnoevropeyskoy pravovoy mysli) [Legal Understanding as the Basis of National Legal Culture (Comparative Analysis of Russian and Western European Legal Thought)]. *Dialog kultur i partnerstvo tsivilizatsiy: stanovlenie globalnoy kultury : X Mezhdunar. likhachev. nauch. chteniya,*

13–14 мая 2010 г. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2010, pp. 399–400.

19. Omelchenko N.A., Gasratova F.M. Problemy legitimatsii politicheskoy vlasti v sovremennoy Rossii: ot teorii k praktike [Problems of Legitimation of Political Power in Modern Russia: from Theory to Practice]. *Politbook*, 2015, no. 4, pp. 36–55.

20. Palashevskaya I.V. *Zakon* [Law]. Karasik V.I., Sternin I.A., eds. *Antologiya kontseptov. T. 1.* Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 1, pp. 92–110.

21. Palashevskaya I.V. *Kontsept «zakon» v angliyskoy i russkoy lingvokulturakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Concept ‘Law’ in English and Russian Linguistic Cultures. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2001. 196 p.

22. Prikhodko A.N. *Kontsepty i kontseptosistemy* [Concepts and Concept Systems]. Dnepropetrovsk, Belaya E.A. Publ., 2013. 307 p.

23. Sichinava N.G. Slovo «zakon» v drevnosti i segodnya [The Word ‘Law’ in Ancient Times and Today]. Melikyan V.Yu., ed. *Yazyk i pravo: aktualnye problemy vzaimodeystviya : materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vyp. 3.* Rostov-on-Don, Donizdat Publ., 2013, iss. 3, pp. 38–43.

24. Skovronskaya I.Yu., Yuskiv B.M. Leksiko-semanticheskie variatsii pravovoy kontseptosfery [Lexical and Semantic Variations of a Legal Concept Sphere]. *Visnik Natsionalnogo universitetu «Lvivska politekhnik»*. Seriya: *Yuridichni nauki*, 2016, no. 837 (9), pp. 326–331.

25. Solovyev E.Yu. *Proshloe tolkuet nas* [The Past Interprets Us]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 432 p.

26. Stepanov Yu.S. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2004. 991 p.

27. Tikhomirov Yu.A. Pravo: natsionalnoe, mezhdunarodnoe, sravnitelnoe [Law: National, International, Comparative]. *Gosudarstvo i pravo*, 1999, no. 8, pp. 5–12.

28. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Legal Encyclopedia]. Moscow, 1997. 526 p.

29. Trubachev O.N. *V poiskakh edinstva. Vzglyad filologa na problemu istokov Rusi* [In Search of Unity. Philologist’s View on the Problem of the Origins of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 286 p.

30. Fedulova M.N. Sistema kontseptov v yuridicheskom diskurse [The System of Concepts in Legal Discourse]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2017, no. 4 (34), pp. 106–115.

31. Khavanskaya A.V. *Kontseptsiya pravovogo liberalizma i formy ee realizatsii v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii: dis. ... kand. polit. nauk* [The Conception of Legal Liberalism and Forms of Its Implementation in the Political Process of Modern Russia. Cand. polit. sci. diss.]. Orenburg, 2002. 149 p.

32. Khramtsova N.G. Kontsepty «zakon» i «subyekt prava» v pravovom diskurse [Concepts ‘Law’ and ‘Subject of Law’ in Legal Discourse]. *Obshchestvo i pravo*, 2007, no. 4 (18), pp. 27–32.

33. Alenen L. Logical Modality and Attitudes to Propositions. *Actions, Norms, Values: Discussions with G.H. von Wright*. Berlin; N.Y., 1999, pp. 211–226.

34. Atienza M., Manero J.R. The Varieties of Legal Values. *Actions, Norms, Values: Discussions with G.H. von Wright*. Berlin; N.Y., 1999, pp. 307–324.

35. Rosch E. Principles of Categorization. Rosch E., Lloyd B.B. (eds.) *Cognition and Categorization*. Hillsdale; New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, 1978, pp. 27–48.

Information about the Authors

Илья С. Дикарев, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor of Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Director of the Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dikarew@mail.ru.

Светлана В. Токарева, Doctor of Sciences (Philosophy), Head of Department of Philosophy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru.

Информация об авторах

Илья Степанович Дикарев, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, директор института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dikarew@mail.ru.

Светлана Борисовна Токарева, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, svet-tok2008@yandex.ru, tokareva@volsu.ru.